

**"Налево пойдешь - Смерть свою найдешь
(СИ)"**

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

ВИКТОРИЯ КРЭЙН

Налево пойдешь - Смерть свою найдешь

The fallen angel shows the signs

He is no stranger in your eyes

He is immortal,

He is forever

From the portal his demons shall dance

Under burning skies

Now the four Horsemen ride along the shore

Across the sea the beast will rise

You will be sacrificed

Yngwie J. Malmsteen

The Four Horsemen (Of The Apocalypse) [1]

XIII — Смерть (La Morte). Тринадцатая карта Старших Арканов Таро называется СМЕРТЬ и изображает скелет, косящий головы, руки и ноги, поднимающиеся из земли.

Смерть — это расставание, прощание, конец. Тем самым она оказывается провозвестницей нового, грядущего, хотя по самой карте на первый взгляд этого не скажешь. Тем не менее, карта скорее хорошая, потому что конец этот закономерен, мы его долго ждали, потому что это — освобождение, хотя и сопровождаемое огорчением и болью. В противоположность Десятке Мечей, означающей конец насильственный, то есть преждевременный, эта карта символизирует естественный конец, указывая, что пришла пора расстаться с кем-то или с чем-то. Так что ее совершенно напрасно связывают с одним только горем. Или, наоборот, считают только началом чего-то нового, не понимая смысла символики Смерти как начала и конца одновременно, как горечи расставания и радости ожидания. «Мы отделили жизнь от смерти, и заполнили промежуток между ними страхом», — писал Кришнамурти. — «Однако жизни без смерти не существует».

Прямое положение карты означает: преобразование — освобождение — изменение — смерть и возрождение.

Оригинальные значения карт, идущих с колодой.

Из книги Хайо Банцхаф. Самоучитель по Таро.

— М-да, ну и ночка! — Я вывалилась через заднюю дверь клуба в сгущавшуюся тьму.

Свежий ветер тут же подхватил подол моего платья и дернул изо всех сил. Я помотала головой. Черт побери, давненько я так не отрывалась.

Сумка, зацепившись за что-то, соскользнула с моего плеча и потянула мою руку вниз,

напомнив, что в ней все еще оставалась бутылка виски.

Дожила, называется, уже глушу вискарь из горла. Ну и что? Имею право раз в жизни как следует напиться.

Ветер крепчал. Я расправила на плечах палантин. В мозгу все туманилось. Я остановилась, откинула голову назад и сделала глоток. Виски уже не обжигал. Ну, хоть согреюсь. Остатки разума требовали вернуться обратно в клуб, к подругам, и продолжить отмечать... что? Это уже не имело значения. Но я, пошатываясь и хватаясь руками за все твердые поверхности, медленно двинулась вперед.

Сколько я так брела, не знаю. Но мое внимание привлекли всполохи, неровными бликами ложащиеся на обшарпанную стену какого-то здания справа от меня.

Шпильки мешали. Но снять туфли я побоялась — уж больно грязно было вокруг.

Пожар там, что ли?

До меня донесся шум. Резко. Неожиданно. Словно я перешагнула какую-то невидимую границу.

Я дернулась назад. Все звуки смолкли. Меня окружала тишина, такая же неестественная, как и недавний шум. Эх, вот уже и глюки начались. Я снова глотнула виски, постояла немного, а потом решила, что раз там что-то шумит, значит, там кто-то есть. Логика просто непробиваемая, и я пошла вперед. Любопытство — страшная вещь, с ним справиться невозможно. Особенно, когда выпьешь слишком много.

За углом был ад.

Нет, натурально. Горели машины. Витрины разбиты. Откуда-то справа раздавался звон осыпающегося стекла. В отдалении выли сирены. Какие-то люди бежали по улице. За ними...

Я зажмурилась, помотала головой и снова поднесла ко рту бутылку. В конце концов, не пропадать же доброму напитку. А там, глядишь, и случится чудо — прояснится мой мозг.

Мозг не прояснился.

Я пожала плечами, натянула на плечи в очередной раз сползший палантин и пошла за... эээ... чудовищами, которые умчались вниз по улице.

Через пару сотен метров передо мной, как в сказке, оказался перекресток.

— Направо пойдешь — счастье найдешь, — нараспев протянула я, — прямо пойдешь — богатым станешь. Налево пойдешь... ик... Умирать нам рановато, есть у нас еще дома дела.

Но ноги понесли меня налево. На самом деле особого выбора у меня и не было: справа переулок упирался в высокий забор, у которого была навалена гора хлама. Прямо унесли люди с монстрами. А слева виднелись шпили какой-то церквушки.

Вообще-то меня смущала одна небольшая деталь. Такое ощущение, что я оказалась в месте, где ни разу в жизни не была. Город не мой, понимаете? Не мой. Другой. Чужой. Вроде, все нормально: дома, дорога, машины... Вот это, например, старенький «Гольф», но... Воздух другой. Запах. Не знаю. Но я точно здесь никогда не была раньше.

Поразмышляв в подобном ключе несколько секунд, я махнула рукой. Ну, напилась я, бывает. Точнее, давно не было, но когда-то, давным-давно, такое ведь случалось. Ничего страшного, отосплюсь, потом буду вспоминать. Как сон. Или вовсе ни о чем не вспомню.

Церкви мне всегда нравились. Не то чтобы я была очень религиозным человеком, нет. Просто я люблю смотреть на все красивое. И фотографировать. Жаль, фотоаппарат остался в клубе. А то бы я сию секунду. С этого самого ракурса. Строгие линии церкви, устремленный в небеса крест и ангел с карающим мечом... Кстати, церквушка-то католическая. Откуда здесь она? Снова вернулись мысли о непонятном. Ладно, потом разберусь.

Чем ближе я подходила к церкви, тем тише и спокойней становилось вокруг.

— Как в могиле, — хихикнула вслух я.

Правильно, я ж налево пошла, вот и... Смирненное кладбище. Как водится, ангелочки, цветочки, склепы. Черт, ну почему я забыла фотоаппарат, а? Какие бы кадры вышли! Готичные. И еще зарево над домами. Что там все-таки горит-то?

В тишине, с режущим слух стуком распахнулись двойные двери церкви. Оттуда вышел человек. Я инстинктивно отшатнулась к ближайшему дому, чуть не подвернула ногу, но удержалась на своих уже вызывавших лютую ненависть шпильках. Прижавшись к стене, я наблюдала, как из темного дверного проема показался еще один мужик. На руках он нес обнаженную девушку. Голова ее была запрокинута. Без сознания, отстраненно отметила я. Следом появились еще двое.

У меня все еще глюки? Или трое типов на самом деле голые? Ну, точно. Голые. А мужик с девушкой на руках одет. Они постояли у церкви, а потом... исчезли. Кроме одного. Он стоял замерев, словно к чему-то принохиваясь. А потом развернулся и потопал точно в мою сторону.

— Нет, нет, нет, — пробормотала я. — Меня здесь нет.

Я медленно подняла голову и задохнулась.

Мужик не может, не должен быть таким! Он возвышался надо мной. Прекрасный. Великолепный. Потрясающий. И... голый.

Вокруг него клубился туман. Нет, не туман, какая-то неясная мерцающая дымка, делающая его фигуру нереальной, ненастоящей. Отвернешься — исчезнет.

— Кто ты? — тупо выдавила из себя я.

Угу, ничего лучше придумать не могла.

«Смерть», — прозвучало у меня в голове.

Я нервно рассмеялась.

— Налево пойдешь — смерть свою найдешь, — сказала я вслух. — Привет, Смерть.

Его рука медленно, очень медленно поднялась и коснулась моей груди.

Я вжалась в холодную, склизкую — ох! — стену дома.

— Послушай, парень, — начала я, — все это до ужаса прикольно, но не мог бы ты хотя бы чуток

приодеться? А то, знаешь ли, так начинать знакомство... несколько неприлично, не находишь?

Он склонил свою красивую голову набок. Кудри, черные словно ночь, они почти сливались с окружающим нас мраком — и когда только успело настолько потемнеть? — колыхнулись, обрамляя идеально вылепленные черты лица. Глаза, странные, глубокие... черные, зовущие, уставились на меня. У меня от этих гляделок начала кружиться голова, и я переместила взгляд ниже. Но лучше бы я этого не делала. Полные, чувственные губы обещали всевозможные наслаждения, и явно с грешным оттенком. Высокие скулы, узкое лицо. Золотистая кожа. И это не загар. Очень необычный оттенок, экзотичный. И разрез глаз, отметила я. Нездешний. Чужой. Чувственное лицо. Прекрасное. Просто дух захватывало. Я невольно подняла глаза. Длинные, пушистые, изогнутые ресницы. Вот черт. У него же черные глаза? Или нет? Сейчас они были серебряные. Оттенка чистого серебра. И они темнели буквально у меня на глазах.

вернуться

1

Падший ангел дает знак
Он не незнакомец в твоих глазах
Он бессмертен,
Он вечен.
Его демоны будут танцевать из портала
В сгорающем небе.
Теперь четыре всадника поедут вдоль берега,
Над океаном поднимется зверь
Ты будешь принесен в жертву.
Ингви Дж. Мальмстин
Четыре всадника (Апокалипсис)

Его рука и не думала убираться с моей груди. Крепкая ладонь обхватила ее, чуть сжала. От его руки исходил жар, тут же окативший меня с головы до пят.

— Послушай, — сделала я еще одну попытку и выставила вперед руку, упершись ему в грудь.

Он стоял как скала и не думал отодвигаться. Ну и ладно. Я подняла вторую руку — с бутылкой — чуть ею качнула. Внутри плеснула жидкость.

— Ага, — радостно сообщила я нахальному типу. — Не закончилось.

И сделала хороший такой глоток прямо у него перед носом. Он не отреагировал. Ну, кроме того, что подушечкой пальца зацепил выступавший сквозь лифчик и платье сосок. Я решила не обращать внимания на эти, если можно так выразиться, заигрывания. И вдруг мне стало ужасно смешно. И я расхохоталась.

— Мне так и называть тебя — Смерть? — сквозь смех проговорила я. — Хочешь?

Я пихнула ему под нос горлышко бутылки. Его взгляд на мгновение оторвался от моего лица и опустился к предмету перед его носом. Ноздри слегка раздулись.

— Не вздумай только морщиться, — по-своему истолковала его реакцию я. — Отличный шотландский односолодовый вискарь. Забыла, как называется. Я бы прочитала с этикетки, но тут темно, а я и так плохо вижу.

«Убери бутылку, она тебе не понадобится», — прозвучало у меня в голове.

— А? — всполошилась я. — Это ты как? Ну-ка брысь из моей головы! У меня и без этого мозги танцуют, а тут еще и ты.

Его рука оторвалась от моей груди и ухватила бутылку. Я почти не сопротивлялась, когда он ее у меня отобрал и отбросил назад. Я с тоской выслушала звон разбившегося стекла и покачала головой.

— Ну зачем ты так? Если сам не хотел допивать, я бы с удовольствием ее прикончила сама. А теперь... Слушай, мне очень надо выпить.

«Нет».

— Хорошо, хорошо, — я подняла руки, показывая, что сдаюсь. — Так какие у тебя предложения?

Он снова вперил в меня свой темный взгляд. Я тяжело вздохнула.

— Кажется, понимаю. Но, увы, вынуждена тебя огорчить: в мои планы на сегодня трах с незнакомцем не входит. Как-нибудь в другой раз, о'кей? Ну, я пошла. Приятно было познакомиться и все такое.

Я повернулась к нему спиной, сделала шаг и уперлась... прямо в его твердое обнаженное тело.

— Слушай, Смерть, мне еще рановато на свидание с тобой. Я молодая, ну ты понимаешь, здоровая... ну сравнительно. У меня впереди вся жизнь, карьера и тому подобное. Пусти меня.

«Нет».

Зашибись!

— Ты еще какие-нибудь слова знаешь, кроме этого дурацкого «нет»? И кончай трепаться в моей голове! Меня это бесит!

Кажется, я начала трезветь. Во мне проснулась ярость. Хороший признак. Или просто у меня отняли бутылку. За глоток чего-нибудь покрепче я бы жизнь отдала... Минуточку. Жизнь? Я отступила на шаг от Смерти. Господи, ну смех и грех. Смерть!

Я хихикнула. Он смотрел на меня. Не мигая. И что-то такое было в нем. Какая-то энергетика. Не знаю, как это назвать. Но от него, такого теплого — я это знала точно, тело его было теплым, дотрагивалась минуту назад, — веяло чем-то ледяным. Стужей. Сыростью старинных подземелий. И тленом.

— Смерть? — пролепетала я, пугаясь теперь по-настоящему и трезвея.

Он не ответил.

Мои колени задрожали, и я начала медленно оседать на асфальт. Но он мне упасть не дал. Мгновенно выпростал вперед руку и обхватил за талию. Я беспомощно повисла на нем.

— Э-э, спасибо, — через несколько секунд прошептала я, несколько оклемавшись.

Я сделала попытку высвободиться из его хватки. Не тут-то было. Я попробовала еще разок. С

тем же успехом. Он держал меня крепко.

«Бесполезно», — уже привычно прозвучало в голове.

— Я так и поняла. — Я умудрилась с досадой топнуть ногой. — И что дальше?

«Ты умрешь».

— Спасибо, что сообщил. Быстро или медленно?

«А как ты хочешь?»

— Никак.

Мне показалось, или он рассмеялся у меня в голове?

«Все будет не так, как ты подумала. Тебе понравится. Всем нравится».

— Всем нравится — что? Умирать?

«Заниматься — как вы это называете? — любовью».

— Ты собираешься залюбить меня до смерти?

«Да».

Итить твою колотить!

— Я тебе уже сказала, что не собираюсь с тобой трахаться.

«Я знаю это слово, это грубое слово».

Ишь, какой чувствительный попался.

— А тебе-то что, как я это называю? И... Погоди-ка. Что ты там говорил? Как МЫ это называем? Мы — это кто?

«Люди».

— А ты не человек?

«Нет».

— А кто?

«Смерть».

— Твою мать!

«У меня нет и никогда не было матери. Я не человек».

Какая-то смутная мысль промелькнула в голове и тут же исчезла.

Я снова взглянула на Смерть. Да, я уже почти привыкла так его называть. Уже и не морщилась и не хихикала.

Он стоял передо мной. Высокий. Стройный. Обнаженный. Тело — само совершенство. Мускулы. Не перекаченный, как культуристы на соревнованиях, и не хлюпик. Широкие плечи — в меру. Талия — узкая, как положено, но пропорционально. По золотистой коже бежали татуировки. Именно бежали. Потому что стабильностью эти узоры не отличались, и я никак не могла сосредоточить на них взгляд, чтобы разглядеть как следует. Ноги длинные. Бедра — сильные, тренированные. Наверное, так должны выглядеть бедра тех, кто много времени проводит в седле. В седле? Всадник.

— А конь где? — спросила я, не подумав.

«Он мне не нужен. Пока».

— «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «Смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными [2]». — Память услужливо подсунула цитату, которую я и выдала, глядя ему в глаза.

«Да».

Вот так. И сказать-то больше нечего.

Мы молча смотрели друг на друга, я и один из Четырех Всадников Апокалипсиса.

— А где остальные трое?

«Здесь».

— Я догадалась. Но сейчас они где?

«В городе».

— Эй, так ты хочешь сказать... Нет. Получается, что сейчас... Что? Наступил Конец Света? Судный День и все такое? Нет, фигня какая-то.

Я помотала головой, потом протерла глаза и тут же поняла, что размазала всю косметику. Это было плохо.

— Посмотри, у меня глаз потек?

«Что?»

Первый раз я отметила какую-то эмоцию на этом нечеловечески прекрасном лице. Изумление, непонимание... растерянность.

— Ну, косметика стерлась? Я в контактных линзах. Если тушь потекла — мне хана. Придется снимать линзы, мыть руки. А тут негде. Да и неудобно. А без линз я совершенно слепая. Вот это настоящий конец света. Блин! Посмотри!

Я подняла к нему лицо. Он ошарашенно меня оглядел, потом медленно покачал головой. Выражение его лица все еще оставалось потрясенным.

— Слава богу! Хотя какая-то радость. Или Бога при тебе нельзя упоминать? А я ж вообще... всуе. А так нельзя. И ты же... ты же из церкви вышел. Я видела! И твой приятель девушку на руках нес. Значит, вы запросто можете в церкви тусоваться. Хотя почему бы и нет, вы все из

Библии. Я только что цитировала Откровение Иоанна Богослова...

— Женщина, ты когда-нибудь замолчишь? — Я подпрыгнула.

Голос был низкий, глубокий, переливающийся, со странными интонациями и незнакомым певучим акцентом.

— Только смерть заставит меня заткнуться, — обиделась я и тут же расхохоталась, сообразив, что именно я только что сказала.

Он покачал головой.

«Ты не облегчаешь мне задачу».

— Значит, ты можешь нормально разговаривать! Так какого фига ты треплешься в моей голове? И о какой задаче ты говоришь? Трахнуть меня? То есть, затрахать вусмерть? Ха!

Он снова покачал головой. Кажется, и у Смерти имеется предел. Но я не виновата. Я знала, что лучшее — молчать, расслабиться, раздвинуть ноги и получить максимум удовольствия. Ведь так обычно советуют поступать в случаях насилия, когда деваться некуда, а сопротивление лишь распалает насильника. Впрочем, на насильника он похож не был. На кого угодно, только не на насильника. Даже несмотря на всю его мифологическую репутацию. Соблазнитель, грешный, великолепный, но никак не насильник.

вернуться

2

Толкование Апокалипсиса Св. Иоанна Богослова. Откровение 6:8

Меня несло. Это истерика. Я знала это совершенно точно.

— Слушай. Ты ведь можешь все, да? — попыталась успокоиться я.

«Да».

— Добудь мне бутылку чего-нибудь. Не алкоголя. Воды. Пить очень хочется — это после выпитого началось обезвоживание организма. И накинь на себя хоть что-нибудь. Я не могу смотреть на... — я кивнула головой на его пах и отвернулась.

Не смотреть туда было сложно. Потому что со мной что-то происходило. Мысль о сексе со Смертью уже не вызывала у меня страха. Скорее любопытство или... в общем, вид его меня смущал. И я чувствовала, что щеки мои покраснелись, а такого со мной в жизни не бывало. Издержки физиологии.

Я не успела додумать эту мысль, как он протянул мне бутылку минералки.

— Спасибо. Ты очень добр, — вздохнула я и с наслаждением сделала глоток.

Тянуть время. Надо тянуть время. И тогда моя белая горячка закончится. Возможно. Или кто-нибудь меня спасет. Неужели мои девицы про меня не вспомнили? Я же ушла из клуба несколько часов назад. И не попрощалась. Сказала, что на минутку, глотнуть свеженького

воздуха. Глотнула, называется. Нет, так я напиваюсь в последний раз. Вот ей-богу!

«В последний», — поддакнул в голове Смерть.

— Хватит подслушивать мои мысли! — огрызнулась я. — Это невежливо.

«Я слышу тебя всю. Я ощущаю тебя всю. Это то, что я есть. Я не могу не слышать тебя. Ты — часть меня».

— Красиво говоришь. Прямо как возлюбленный в любовных романах.

«Я — твой возлюбленный. Твой последний любимый. Я — твоя Смерть. Я — конец».

— Да уж, конец у тебя что надо, — не удержалась я.

Смерть, кажется, снова растерялся.

— Ну, твой половой член, — на всякий случай пояснила я, ткнув рукой с пластиковой бутылкой куда-то ему между ног и, кажется, не промахнулась.

Смерть охнул и отступил на шаг, что-то прошипев невнятное.

— Извини, — покаянно и совершенно искренне сказала я. — Я нечаянно. Но уж чего у тебя не отнять — так это... э... твоей красоты. Господи, дожили. Делаю комплименты мужику. Куда катится этот мир? В Апокалипсис, не иначе.

И я снова заржала. Потом икнула и замолчала.

— Ну что же ты молчишь? Так красиво говорил — и смолк. Обиделся? Так я тебе правду говорю. Ты — красивый... А я все еще пьяная, — после долгой паузы сообщила ему я. — Ты можешь сделать так, чтобы я стала трезвая?

Он молча меня разглядывал. Глаза его снова стали светлеть. Я не отводила взгляда. Кажется, голова больше не кружилась, когда я так пристально на него смотрела.

— Смерть?

Он приподнял одну бровь.

— Ты можешь, ну, это... стабилизироваться? Твои татуировки все время бегают. Останови их. Хочется рассмотреть.

«Ты странная женщина. Я никогда не общался со смертными до этого дня. Но то, что я узнал, не подходит к тебе. Ты не такая. Иная».

— Больная, угу. — Мне вдруг стало грустно. — Многие так считают. Не от мира сего. Одной ногой в другом мире. Мечтаю. Не способна мыслить реально. Витаю в облаках.

«Я не об этом. Ты откуда взялась?»

— Из бара. Вышла подышать. Взяла виски с собой. Потом пошла вперед. Свернула за угол и попала сюда. Город разгромлен. И... тут появился ты... Ладно, неважно... Кстати, а что это за город?

Ну и дура, подумала я сразу же после очередной своей тирады — ляпнуть такую глупость. Кем бы этот парень ни был, но он уже, похоже, и сам врубился, что со мной связываться — свихнешься прежде.

«Дублин».

— А? — Я хлопнула ресницами.

«Дублин. Стены между мирами пали. И мы на свободе».

— Вы?

«Темные. Все. А у тебя нет Дара, хотя ты и видела всех. Меня, моих братьев. Низших, что бежали по улице».

Я схватилась за голову. Белая горячка! Я чуяла! И ведь где-то у меня в голове давно вертелась мысль, что мне тут кое-что знакомо. Но чтоб вот так?! Или это сон? Надеюсь только, что я заснула не в канаве. И проснусь со своими вещами, не обобранная, в полном порядке...

Я повернулась к нему спиной и зашагала в ту сторону, откуда явилась целую жизнь назад.

«Остановись», — прогремело в голове.

Ага, ты еще молнией шарахни. А то темновато.

Я подняла руку с выставленным средним пальцем.

За углом бежали люди. Толпа. Как я ничего не услышала? Паника. Безысходность. Смертельный ужас был в их глазах. Я наткнулась на эти эмоции словно на стену и встала как столб.

Высокое худое существо, вышагивающее вдоль толпы, словно на ходулях, замерло и повернуло ко мне голову. Оно посмотрело мне в глаза.

Я выругалась так, как никогда не ругалась раньше. Существо шагнуло в мою сторону.

От ужаса я не могла пошевелиться. Мысли куда-то исчезли. Ни одной не осталось.

На мою талию легла рука. Я скосила вниз глаза. Не рука — кисть скелета. Я содрогнулась. Существо передо мной остановилось. Потом дергано поклонилось в пояс, выпрямилось и одним шагом смешалось с толпой.

Я снова взглянула на лежащую на моей талии руку — нормальная, золотистая кожа, длинные сильные пальцы. Рука чуть двинулась, поглаживая меня. Теплые волны распространялись от нее во все стороны, стекаясь к единому центру.

Я закусила губу, чтобы не застонать.

«Ты сопротивляешься мне. Меня это... удивляет».

Угу. Сопротивляюсь. Вернее, делаю вид, что сопротивляюсь. А на самом деле уже давно сдалась. Мною двигало исключительно врожденное чувство противоречия да остатки моего залитого виски разума.

— Значит, ты — Принц Темного Двора.

«Да».

— Но ты, — я ткнула в него пальцем, — ты же недоделанный... Ты не способен ничего почувствовать. Мифология... Я же читала. Ты... ты... Ох!

Наверно, я его обидела. Если, конечно, он способен обижаться. Но язык мой — враг мой.

Он насмешливо смотрел на меня.

«Я могу чувствовать, пока во мне живут души женщин, которые были удостоены последней радости быть со мной. Уже очень скоро последняя душа... как это сказать? Отработает свой ресурс».

— И поэтому тебе понадобилась я.

«И поэтому мне понадобилась ты».

Он обошел меня, встал спереди и протянул мне руку...

И я взяла ее.

«Тебе понравится, я обещаю».

— Та девушка, в церкви... Она...

«Забудь о ней. Она не имеет значения. Ты имеешь значение. Только ты».

Я смотрела ему в глаза и не могла отвести взгляд. Меня затягивало в темные глубины, в водоворот, в звезды и туман.

— У тебя есть резинка? — прошептала я.

«Резинка?»

Н-да, опять я ввела его в ступор. Значит, он что-то чувствует. В некотором роде.

— Ну, презерватив. Кондом. Я не знаю, со сколькими ты сегодня переспал. Не хотелось бы подхватить чего-нибудь гадкое, вроде венерической болезни, а про возможность забеременеть я вообще молчу.

«Нам это не понадобится. Ты не заболеешь».

— Точно?

«Да».

— Не заболею, потому что умру?

«Просто не заболеешь. И да, ты умрешь. И с этой минуты ты будешь молчать».

И я замолчала. Потому что он прижался своими губами к моим губам и начал меня целовать. Во мне поднялось дикое желание. Настолько сильное и сокрушительное, что слезы навернулись мне на глаза. Я вдохнула его запах. Корица, что-то экзотическое и пряное. Запах

лез в ноздри, заставляя задыхаться, дышать чаще. Но я больше не могла дышать... без него. Его дыхание стало моим дыханием. Он позволял мне дышать — ровно столько, сколько считал необходимым. Его руки, казалось, были везде.

Палантин соскользнул с плеч. На спине разошлась молния. Сумочка давно уже валялась где-то в моих ногах.

«Мои вещи», — подумала я.

«Забудь», — раздалась в голове команда.

И я забыла. Обо всем. Кроме его рук, что вели меня. Кроме его губ, что ласкали меня. Кроме его силы, что поддерживала меня.

Меня качало, как на волнах. Меня несло, как в воздушном потоке. Ветерок обдувал мое нагое тело. Луна неверным светом освещала темную фигуру, нависшую надо мной. Стук моего сердца, замедлившийся, печальный, гулким эхом отдавался в окружавшей нас тишине.

Рука Смерти легла на мою грудь, поверх сердца. Потом приподнялась... И я увидела свою ауру. Она отделилась, послушная этой руке, потянулась за ней, обдавая ее голубовато-серебристым сиянием. Это было так красиво...

Вторая рука скользнула меж моих бедер и легла в их сплетении, чуть надавила. Я выгнулась от наслаждения, равного которому не испытывала никогда раньше.

Смерть посмотрел мне в глаза. Я ответила ему умоляющим взглядом. Я не могла ждать. Мне не нужно было ждать. Я была готова его принять. Давно готова. На мгновение я испугалась, что он этого не сделает, что он просто играет со мной, дразнит меня, но я ошиблась.

Чувственные губы чуть дрогнули, прежде чем снова впиться в мои и вдохнуть меня. Мою душу. В следующее мгновение он был во мне. Глубоко. Так глубоко, что я думала, что не выдержу. Я почувствовала, как внутри меня что-то натянулось, напряглось... а потом устремилось ввысь, сквозь кожу, вливаясь в его плоть, превращаясь в него. Он двигался, размеренно, резко; я тянулась к нему, за каждым движением. Он смотрел мне в глаза. Не мигая. Я не отводила взгляда. Глаза его горели черным пламенем. Ни зрачков, ни моего отражения. Просто черное, жалящее мою суть пламя.

Руки его поднялись. Длинные пальцы впелись в мои волосы, приподняли голову, прижали к себе. Я подняла ноги, оплетая его, вжимаясь в него. Мне было неважно, где мы, неважно, сколько это длится. Я не хотела, чтобы это прекращалось. Мне было плевать, кто он такой, плевать, кто я такая. Я хотела быть с ним. Всегда. Вечно. До конца. Мой разум бился в клетке, пытаюсь вырваться. Но я загоняла его обратно. А Он был доволен. Доволен тем, что я приняла его. Но разве могло быть иначе?

Какие-то воспоминания о моей прошлой жизни пытались прорваться сквозь преграды, но я их не пустила. Не нужны они мне. Мне нужен Он, мой Принц. И Наслаждение, что он мне дарил. Снова и снова. Множественный оргазм? Я думала, это миф. Но теперь я знала, каково это. Я летала, парила, падала вниз, снова взмывала вверх, меня поддерживали сильные руки. Я вцепилась в них, я царапала их до крови. Я чувствовала его укусы на своей шее, груди, плече. Я знала, что он пустил мне кровь. Боль граничила с наслаждением, удесятерилась и бросала меня в новый поток.

Я не знала, сколько это длится. Я не знала, кончится ли это когда-нибудь.

Финальный рывок, и меня ослепило. Последнее, что я помню — это как он содрогнулся на мне и обмяк. Тяжесть его тела приятно успокаивала. Я обхватила его руками за шею, поцеловала в щеку и провалилась в небытие.

Я проснулась от холода. Все тело болело. Голова гудела. Я огляделась. В голове бродили обрывки воспоминаний, сталкивались и испуганно прятались обратно.

— Пить надо меньше, надо меньше пить, — пробормотала я под нос известную цитату и, хватаясь за стену, поднялась.

Палантин соскользнул на землю. Я недоуменно разглядывала свое... обнаженное тело! Рядом валялись туфли, сумочка, а на ней аккуратно сложенное платье и лифчик. Трусики сгнули без следа. Так... Что вчера произошло? Точнее, с кем? Ибо ощущение после шикарного секса невозможно ни с чем спутать.

Я переступила с ноги на ногу, подняла палантин и укуталась в тонкую ткань. Потом огляделась. Пустая улица. Справа церковь. Тишина. Ни единого человека.

Светало. Но солнце еще не поднялось, поэтому было холодно. Ветерок откуда-то принес запах гари. Я пожала плечами и начала неспешно одеваться. Сунув ноги в туфли, я медленно побрела по улице.

Дойдя до перекрестка, я остановилась. Посмотрела направо, налево.

— Направо пойдешь, — начала я и, подавившись собственными словами, смолкла.

Налево. Я пошла налево и нашла... Смерть. Перед глазами возникло непередаваемо прекрасное лицо. Сильные руки. Гипнотизирующий взгляд. Голос в голове: «Ты умрешь. Тебе понравится. Я — твоя Смерть».

Но я жива. Жива!

Ветер усиливался. Он завывал между домами и рвал с меня палантин. Я стояла и смотрела вдаль.

Где-то впереди раздался грохот. Он приближался.

Стук копыт.

Я не шевелилась.

Ветер взвыл.

Потемнело.

И вот я увидела их. Четыре коня. Четыре всадника. Один, на странном бледном, светящемся коне выступил вперед. Ветер сорвал с его головы капюшон. На меня смотрели пустые глазницы.

— Между прочим, я ужасно замерзла, когда проснулась тут... Одна. Разве так делают? — произнесла я, не замечая стекающих по щекам слез.

Он чуть наклонился вперед, протягивая руку. Руку скелета. Я протянула свою и коснулась его

кисти. Сухая безжизненная пожелтевшая кость, пролежавшая на ветру бесчисленные столетия.

Костлявая кисть сжалась на моем запястье.

«Ты пойдешь со мной?»

Я уставилась в эти пустые глазницы.

— Навсегда?

«Да».

— Почему я? Почему я жива?

«Позже ты получишь ответы на все свои вопросы. Если это все еще будет иметь для тебя значение».

— У меня условие. Одно.

«Говори».

— Я, конечно, все понимаю, и кто ты такой, точнее, что ты такое, но я бы хотела... Господи, я только хочу, чтобы ты был со мной таким, каким был этой ночью. В человеческой форме. Всегда. О'кей?

Я наглая, знаю. Но мне было все равно. Мой разум бил тревогу. Мне было страшно. Я уже понимала, что это не сон. Что со мной случилось что-то страшное. Но я хваталась за единственное, что у меня было в этот момент знакомое. А этим знакомым оказалась моя Смерть.

«О'кей».

И он поднял меня к себе в седло. Посадил прямо перед собой. Его руки — человеческие руки — сомкнулись вокруг меня, укутали плащом. Я прижалась щекой к его груди, вдохнула такой знакомый пряный аромат.

«Закрой глаза», — приказал он.

Я повиновалась.

И мы полетели...